

ФАНТ ОМ ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ АННА ЧУДАРЕВА ДАНИИЛ ТАЛЬ
ИЛЬЯ НАМИС БОРИС ЛАЗАРЕВ ИРЕНКА АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА
ЯКОВ НАЕРМАН НАТАЛЬЯ КЕЦМАН ВЕРА АРБОЛЬ НАТАША ЗАНД
ЕКАТЕРИНА НОЖОВА СОФИЯ ЛАЙТНЕР

#1 ЛЕТО 2022

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ

В этом Альманахе собраны проза и стихотворения участников семинаров "Прямой речи", которые я вел летом этого года. Получилось так, что его участники образовали довольно прочный литературный союз, продолжают регулярные встречи и обсуждения написанного, а главной темой их лирики оказалась, естественно, война. Мы вообще переживаем поэтический ренессанс, потому что жить с чувством бессилия очень уж тошнотворно, а поэтическое высказывание, осмысливающее и преодолевающее кошмар последнего года, стало нашим единственным способом противостоять массовому озверению, да и массовому гипнозу, которому российское население в последнее время подвергается. Но чувство ужаса перед происходящим свойственно не только той части населения страны-агрессора, которая этому гипнозу посылно противостоит. Украина тоже охвачена настоящей эпидемией стихописания, потому что у человека в принципе нет другого лекарства от хаоса, кроме лирики. Поэзия упорядочивает мир и тем спасает ее.

Кстати, большинство стихов о войне написано традиционным рифмованным регулярным стихом. Потому что верлибр, при всех его преимуществах, не возвращает чувства порядка и, более того, чувства власти над жизнью.

За последний год вышло несколько поэтических антологий на разных языках. Авторы и составители этих книг уже успели упрекнуть в том, что они делают чудовищные события поводом для такого вроде бы избыточного, эстетского занятия, как поэзия. Особенно бурно упрекают русских: писать стихи на языке захватчика многим кажется неуместным и даже постыдным делом. Ничего не поделаешь, такие мнения неизбежны, они стали результатом огромного количества плохих стихов, написанных в последние десятилетия по случайным или надуманным поводам. Между тем поэзия -- вообще единственное и насущное дело во время войны (кроме, конечно, сугубо военного противостояния агрессору на фронте -- но это доверяют не всем. Так что большинство стихов написано стариками, женщинами и детьми). Поэзия, если рассматривать ее всерьез, только и пишется о чудовищном, потому что больше с ним ничего сделать нельзя. Сон, говорил Фрейд, -- это дым от костра, в котором сгорают трагедии дня. Поэзия -- ответ того костра, в котором лирики сжигают все самое ужасное, что видят вокруг. Поэзия вообще инструмент гармонизации собственного внутреннего мира (гармонизировать мир внешний, увы, не в нашей власти). Кроме того, чувство присутствия при великих событиях, их переживания и преодоления -- чувство высокое и необходимое: кто его не испытывает, тот глух.

Я не имел никакого отношения к подготовке и изданию этого сборника. Да и во время руководства семинаром главной моей задачей было никому не мешать. На моих глазах из нескольких десятков

непрофессионалов, едва умевших сформулировать собственную мысль, "выписывались", как говорят на нашем поэтическом жаргоне, крупные поэты. Это происходило под действием стихийных сил, раскрепощение которых мы все увидели после многолетнего застоя: лишь немногие тревожно-мнительные люди ощущали их подспудное бурление. Рядом с нами буквально из-под земли вырвался фонтан огня, фонтан ненависти и страха перед будущим, и с этим надо что-то делать. Публицистика, социология, история пока молчат, не в силах даже выработать язык для описания этих времен. А поэтам приходится -- они без этого с ума сойдут. И как Владимир Зеленский реабилитировал творческую интеллигенцию, отказавшись бежать из Киева, -- так современные поэты, в том числе российские (но и немецкие, и американские, и латиноамериканские) реабилитировали гуманитарную мысль, найдя точные и жестокие слова для описания последних событий. Потому что публицисты и социологи могут позволить себе псевдонаучные рассуждения вокруг да около, а поэзия не занимается позиционированием себя.

Поэзия прямо занимается травмой, это инструмент самоспасения -- палата интенсивной терапии, как сказала об одной из поэтических антологий ее участница Анна Русс. Имитировать терапию бессмысленно -- если не заниматься ею всерьез, она не помогает. Поэзия -- обработка раны, это дело болезненное и честное.

Ни поправить, ни сократить эти стихи -- обычный учительский соблазн, практически непреодолимый, -- у меня не было возможности: книгу я увидел собранной, сверстанной и подписанной в печать. Но именно ее чтение внушило мне чувство, что кое-какие вещи я в этом году делал не зря. А если кое-что в этой книге покажется вам дилетантским -- позволим себе напомнить стихи часто ругаемого поэта, который все-таки возвращал поэзии ее звание и призвание:

"Подорожник кладут не в салаты, подорожник на раны кладут".

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ
РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

Какие он книги читал,
Какую музыку слушал,
Мальчик, который стрелял
В Бердянске, в Ирпене, в Буче.
Пела ли ему мать
По ночам колыбельные,
Боялся ли он засыпать
Видел ли он сны волшебные.
Если да, то мне невдомёк
Почему он так дышит ровно
Когда спускает курок,
Безжалостно и хладнокровно.

АННА ЧУДАРЕВА
РОССИЯ

Мама, ну пожалуйста!

Голос её предательски задрожал... Пожалуйста, возьми меня с собой! Я буду всё – всё делать по дому. Я буду вам с папой готовить. Убираться буду дома, помогать.... Я прошу тебя, маааама...

Я, готовая к такому сопротивлению, держала паузу.

- Я не могу тут, НЕМОГУ! Я всё терплю, ты знаешь, я всё время терплю... И учусь, ну... я очень тебя прошу...

Эхо высокого голоса ещё долго металось в раскаленных стенах компаунда.

Апрель, несусветная жара (что-то около 38 градусов сильно выше нуля), марево над головой.

Мы сидели на лежаке возле запущенного бассейна. В чужом доме. В чужой стране.
На чужом континенте.

- Маааааааа.... Ты меня слышишь?

Слеза выкатилась из ближайшего ко мне глаза...

Я хочу домой.

Когда только «накрыло», было совершенно очевидно: надо бежать. Бежать, куда хватит сил. Бежать, спасая детей от невозможного.... Трижды нам отменяли билеты. Трижды мы платили любую сумму, чтобы улететь. Как можно дальше и как можно скорее.

Так наша семья из трех детей 25, 16 и 9 лет оказалась в Египте. Сначала был дикий холод. Отопление в этих краях – вещь неслыханная. Потом сразу вжарило под 40.

На мне держались няня – наша любимая хохлушка, в городе которой не оставили камня на камне, сын и двое дочек.

- Мааам, ну пожалуйста... Голос дочери пробивался сквозь марево и, казалось, застревал в воздухе. Я хочу домой!

Слышу, дочка, слышу. Я слышу этот разговор каждый день. Я молчу. На ответ нужны силы, с которыми напряжёнка. Каждое утро я просыпаюсь от стука крови в сосудах:
«Я хочу домой... Я хочу домой... Хочу домой.. Хочу домой... Домой... Домой...»

Я уже почти улетела, обеспечив семье безопасную жизнь в относительном комфорте.

АННА ЧУДАРЕВА
РОССИЯ

Да, выйти на улицу можно только ночью. Да, жара сплавляет мозги и нервы, да, из окна видны только не достроенные дома и песок, бесконечный песок... Но дети в безопасности. А я... я тоже хочу домой.

Но не тут-то было. Стоило мне заикнуться о том, что я скоро улечу, дочь вцепилась недетской хваткой: я готова на всё, только возьми меня с собой.

Все слова и аргументы давно были сказаны, все страшилки от голода до ядерной зимы описаны в красках...

- Мама, я хочу домой... И два глаза, смотрящие в сердце.

- Хорошо. Но сначала я тебе кое-что поясню. В новых условиях любой человек, который «топит» за войну, автоматически становится мишенью. Не просто врагом, а именно мишенью Ты понимаешь? А любой человек, выступающий против войны - мишень для другой стороны. Больше нет свободы слова, даже мысли... Есть только сторона, которую ты выбрала.

- Мама, я буду молчать. Просто молчать.

- Ты говоришь разумно. И выбираешь путь, по которому идут многие. Те, кто боятся стать мишенью, выбирают молчание. Но им только кажется, что они в безопасности.

- Почему?

- Потому что они становятся мишенью для всех. Почему я вас увезла? Голод, стрельба, диктатура – это страшно. Но неопределенно. А вот что по-настоящему страшно, это то, что каждый из нас становится врагом. И не важно, кому. Нет правой стороны. Есть сторона, на которой больше шансов выжить. Это то, что ждет нас с тобой дома. Подумай, ты к этому готова?

Не хотела бы я быть шестнадцатилетней домашней барышней, поставленной перед таким выбором.

Слёзы залили родное лицо...

Я согласна...

Я не знаю, как это... И на что я иду...

Я просто хочу домой...

УСТРИЦА

ДАНИИЛ ТАЛЬ
РОССИЯ-ФРАНЦИЯ

Я СОВСЕМ НЕ ОСУЖДАЮ ТЕХ, У КОГО ВИЛЫ В МАЙАМИ ИЛИ НА ФРАНЦУЗСКОЙ РИВЬЕРЕ. КТО НЕ МОЖЕТ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ФУА-ГРА, УСТРИЦ ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГЕНДЕРНЫХ СВОБОД. НО ПРОБЛЕМА НЕ В ЭТОМ. А В ТОМ, ЧТО МНОГИЕ ИЗ ТАКИХ ЛЮДЕЙ ПО СВОЕЙ СУТИ, МЕНТАЛЬНО НАХОДЯТСЯ ТАМ, А НЕ ЗДЕСЬ. НЕ С НАШИМ НАРОДОМ. НЕ С РОССИЕЙ

ПРЕЗИДЕНТ РФ В.В. ПУТИН

Однажды мы Дусей поехали по путевке во Францию. Должен сказать, что Париж – город серый, грязный, полный крыс и гендерного разнообразия. Нотр-Дам с Кремлем не сравнить, Эйфелева башня проигрывает Петру работы Церетели, Шанз-Элизе – жалкое подобие Тверской, Триумфальная арка – копия нашей на Кутузовском, Ла-Дефанс – устаревший Москва-Сити. В магазины заходить не рекомендовалось, но я уверен, что и там ничего хорошего нет. В общем, вся наша группа была Парижем разочарована и от этого пребывала в приподнятом настроении. За несколько часов до отхода поезда нас отпустили погулять по городу. Ребята, конечно, рванули кто в Булонский лес, кто в Клиши – посмотреть на педиков и полубаб. А мне пришлось выгуливать Дусю. И вот, стараясь не вляпаться в собачьи какашки, обходя негров с арабами, заповоливших этот несчастный город, мы побрели по очередной узкой улочке.

Я заметил, что Дуся поглядывает на проходящих мимо французских мужчин, тех немногих из них, которые были белыми. Тщедушные тела, хищные улыбки, порочные, горящие нездоровым огнем глаза выдавали в них наркоманов и извращенцев. Дуся, я уверен, все это понимала и смотрела на них исключительно из жалости.

Дойдя до перекрестка, мы увидели некое подобие рынка. Конечно, до нашего Дорогомиловского этим палаткам было далеко, но Дуся, любопытная душа, потянула меня за рукав со словами «Пошли глянем».

Что ж, в инструкциях говорилось про магазины, а про рынки – нет. Я вздохнул и пошел за женой. Капал дождь. Вдоль примитивных, крытых пластиком тентов гулял французский народ. Не то чтобы голодный, но какой то сосредоточенный. Торговали исключительно чурки. Сыров было много, это правда, я бы сказал, слишком много. Фрукты выглядели красиво, но мы знали, что они невкусные, потому как генетически модифицированные. Дуся подошла к рыбной лавке. Оторвав взгляд от копошащихся в лотке крабов, я увидел продавца. К моему удивлению он оказался белокурым, голубоглазым и круглолицым молодым человеком славянской внешности. «Бандеровец или национал-предатель!» – подумал я и, обращаясь к Дусе, буркнул: «Пошли отсюда!» Молодой человек улыбнулся и спросил на русском с легким акцентом: «Вы русские?»

«Да, – с удивлением ответила Дуся, – а Вы?»

«Мама из Запорожья, приехала во время войны, а отец – француз. Давно вы здесь?» – продолжал улыбаться юноша.

«Слишком давно, уже три дня!» – раздраженно ответил я.

«Вы что – оттуда, из России?» – поразился молодой человек «Ясное дело не из Киева!» – съязвил я и уже собирался уйти, но тут Дуся опять потянула меня за рукав.

«Вааань, – промурлыкала она мне на ухо, – давай купим».

«Чего купим?» – возмутился я.

«Вон то», – Дуся показала на лежащую рядом с бандеровцем грудю моллюсков.

«Ты что, спятила?! – прошипел я. – Инструкций не читала? Может, тебе еще фуа-гра купить?»

«Фуа-гра продают напротив», – подсказал юноша.

«На фуа-гра у него денег не хватит!» – рассмеялась Дуся.

Так бы ей и врезал, если б не иностранцы. Делать нечего. Расправив плечи, я подошел к бандеровцу и с тихим достоинством спросил:

«Сколько?» «Устрицы? 20 евро за дюжину», – ответил враг. Я почувствовал, как краснеют щеки. Пол зарплаты за эту гадость, да еще и незаконную, не отдам никогда! Я молча развернулся и пошел прочь.

«Постойте! – крикнул юноша. – Возьмите одну за бесплатно, попробовать». Знал подлец, чем заманить русского человека.

«Дуська, стой на шухере!» – скомандовал я, а сам вернулся к бандеровцу. Вынув из кармана пакетик, я как бы невзначай положил его рядом с устрицами.

«Клади туда», – строго сказал я.

«Вам ее открыть?» – спросил юноша.

«Нет, давай быстрее!» – опрометчиво ответил я.

Он попытался положить вместе с устрицей половинку лимона, но я покачал головой. Нам подачки не нужны. Тем более, что устрица вместе с лимоном не поместилась бы в карман. Мелкий дождь продолжал капать. Мы пошли вниз по улице, к реке. Я нервничал – в левом кармане терся о бедро запрещенный товар. Дуся беззаботно щебетала что-то о романтике, набережной и недозволенных изысках.

«Выйдем на набережную и выбросим эту гадость в реку», – решил я. Мы действительно спустились к брусчатой набережной и сели на лавку у грязновато-серой Сены. Это, конечно, не наша широкая, закованная в шикарный гранит Москва-река. Ну да ладно. Осмотревшись по сторонам, вынул устрицу. Ничего особенного, и пахнет неважно.

«Давай откроем!» – предложила Дуся.

«Еще не хватало! – возразил я. – Может еще и съедим?»

Все знали, что устрицы обладают наркотическим действием, об этом говорили по телевизору.

«А давай съедим! – бесцеремонно воскликнула Дуся. – Живем один раз!»

Я помотал головой. Но таковы силы женских чар, что уже через пятнадцать минут я с остервенением стучал устрицей о железную спинку грязной лавки. Гадина не открывалась. Чего я только ни делал, даже ноготь сломал.

Мы с Дусей были так увлечены поединком с устрицей, что не заметили, как из-под моста вышел человек. Он был грязный, вонючий и бородатый. Человек остановился метрах в трех от лавки и с любопытством наблюдал за нами. Почувствовав густой запах перегара и грязного человеческого тела, я поднял глаза и ахнул.

«Вот она, настоящая Франция!» – подумал я с отвращением.

Бомж тем временем пробормотал что-то, как мне показалось, угрожающее и двинулся к нам.

«Не подходи!» – срывающимся голосом крикнул я, пряча Дусю за спиной. Бомж полез в карман. Дуся вскрикнула – бородач держал в руках маленький острый нож. Свободной рукой он тыкал в мою сторону.

«Денег нет. Паспорт не дам!» – гордо воспротивился я. Вонючий бомж быстрым движением протянул руку и выхватил устрицу.

«Караул! Грабят!» – завопила жена. Естественно, никакой помощи ждать не приходилось. Мы были в чужой стране во власти вооруженного бандита.

Бомж тем временем засунул нож между створок раковины, одним движением вскрыл ее и протянул нам. Я был ошеломлен. Неужели местная беднота идет на контакт? Бомж опять пролепетал что-то непонятное. Видимо, требовал обмена. «Дуся, плавно дай мне конфеты», – шепнул я, пытаясь улыбаться бомжу. Дуся полезла в сумочку и вытащила пригоршню батончиков «Рот Фронт», которые носила с собой для подобных случаев. Взяв у нее несколько конфет, я протянул их бомжу. Бородач отдал мне устрицу, попробовал конфету, кивнул и поплелся дальше, унося за собой облако смрада.

Мы сели на лавку. Дуся попробовала первой. Взяв продолговатую раковину в руку, она поморщилась, втянула в рот и откусила часть склизкого моллюска. Я проделал то же самое. Нескажу, что это была гадость, – просто слизь и морская вода. Дождь перестал. Выглянуло солнце. Сразу стало тепло, будто кто-то включил обогреватель. Сена оказалась не грязно-серой, а, скорее, зеленоватой. Капли дождя весело искрились на брусчатке. Мимо проплывали лодки, полные туристов, и баржи, украшенные цветами. Я посмотрел на Дусю – она была прекрасна. Распущенные русые волосы, счастливая улыбка, зеленоватые глаза цвета реки. Я притянул ее к себе и поцеловал.

«Как же хорошо!» – шепнула она.

«Да», – ответил я.

«И Париж не так уж плох».

«Да, неплох. Только, никому не говори!»

Она рассмеялась.

«Давай пойдем на рынок и на все деньги купим этих устриц». «И фуа-гра», – улыбнулся я. Когда мы вернулись на рынок, торговцы собирали палатки и относили непроданные продукты в грузовики. Молодой украинец укладывал устрицы в деревянный ящик. Увидев меня и Дусю, он улыбнулся:

«Удалось открыть?»

«Удалось, – ответил я. – Дай пожалуйста еще шесть штук, гулять так гулять».

«Повезете домой? – поинтересовался он. – Тогда упакую, чтобы было незаметно».

«Откуда вы их берете? Не из Сены же?»

«Везем на машинах, а иногда и на самолете», – ответил юноша. «Да ладно на самолете! Бреешь!» – усмехнулся я.

«Конечно, – ответил он, – здесь они летают».

«А звать-то тебя как?» – спросил я.

«Ваня», – ответил украинец.

Смешно. И меня так зовут.

ДАНИИЛ ТАЛЬ

РОССИЯ-ФРАНЦИЯ

АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА

РОССИЯ-США

БАЛЛАДА О НЕРОЖДЕННОМ РЕБЕНКЕ

Говорят, они сладкие, словно мед:
Целовать, целовать, целовать.
И качать на руках,
И ночами не спать:
Уставать, уставать, уставать.

Говорят, что в кормлении грудью всё,
Вся осознанность бытия.
Так серьезно сосал,
Разморен и сопит
Сытым сном на руках у тебя...

Говорят, что сначала бывает пушок,
А потом отрастает длинней.
И что пахнет как луг,
Молоко, и рассвет,
Там, где темечко у детей.

Говорят, таять в нежности без конца
Чмокнуть ямочку в сгибе локтя,
Ног угадывать топот,
Слушать детские сны,
Собирать их игрушки, ворча.

Говорят... Правда мне не узнать теперь,
Потому что я только фейк
На носилках, с кровавым мясным бедром,
Из роддома, который никто не бомбил,
И где нет никаких потерь.

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ

РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

Моя больная страна
Лекарства не принимает,
Говорит, что она не больна
И медленно умирает

Моя больная страна
Никогда не выйдет из комы
Но заразила она
Моих друзей и знакомых

Моя больная страна
Во сне отдаёт приказы
Их исполняют всегда
Беспрекословно и сразу.

Моя больная страна
На здоровом теле планеты
Оставила след сапога
И очень гордится этим.

Моя больная страна
Выкрикивает на парадах
Безымянных солдат имена ,
Брюзжит о посмертных наградах.

Моя больная страна
Мне дышит в лицо перегаром,
Очнувшихся ото сна,
Обезумевших генералов.

Моя больная страна
Читает мне сводки с фронта,
Кричит что всем скоро хана,
Пугает какой-то кнопкой

Моя больная страна
Меня не услышит, я знаю
И мне горько, мне страшно, мне жаль,
Что я вместе с ней умираю.

ИРЕН КА

РОССИЯ

ПО-ХРИСТИАНСКИ

У кого-то украдена жизнь.
У меня ты украл это лето.
Если есть у всего высший смысл,
Ты однажды ответишь за это!

Я не знаю, в чем будет ответ,
Но его я так сильно желаю,
Так усердно об этом молюсь
Каждый вечер, когда засыпаю...

ИРЕН КА

РОССИЯ

ИЛИ-ИЛИ. ГОД СПУСТЯ

Пусть оно не светит,
Пусть она погасла,
Пусть в сердце холодеет
Зато мне стало ясно

Зато я буду жить
Спокойно и убого
Зато я буду пить
Бесцельно и помногу...

Уж выпита вся горечь из сосуда,
От дыма едкого состарились глаза
И в вечность превратилось ожиданье чуда
Осталась черно-белой полоса

Пожать плечами, глупо усмехнуться
И проглотить комок, что к горлу подступил?
А, может, продолжать туда тянуться,
Куда ползти не остается сил?

Взять нелегко тот вес
Оно понятно.
Но нет уже пути обратно

ИРЕН КА
РОССИЯ

ВОЙНА, МАТЬ

Мама сказала сегодня:
«Зачем мне такая дочь?
Я буду смотреть телевизор,
Лишь он мне может помочь».

Мама сказала сегодня:
«Да просто фашистка ты
И дети твои- уклонисты,
А вовсе и не цветы.»

Мама сказала сегодня:
«Ты вся в своего отца-
Такой же, как он, предатель.
А я- пойду до конца»

Что мне ответить маме?
Вспомнила сына слова:
«Живи, как хочешь, мамочка,
Своя у меня голова.

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ
РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

Паренёк с голубыми глазами
За здоровье моё выпьет
И слегка захмелев, я точно знаю
Через секунду выстрелит.

Паренёк с голубыми глазами
Держит руку на кобуре,
Смотрит в сторону он и просто не знает,
Что сказать напоследок мне.

А я просто хотел бы не слышать
Пронзительный крик тишины
Ах, если бы только выжить!
Но кто-то уже всё решил.

Паренёк с голубыми глазами
За здоровье моё выпьет
И слегка захмелев, я точно знаю
Через секунду выстрелит.

Паренёк с голубыми глазами
Держит руку на кобуре,
Смотрит в сторону он и просто не знает,
Что сказать напоследок мне.

А я просто хотел бы не слышать
Пронзительный крик тишины
Ах, если бы только выжить!
Но кто-то уже всё решил.

ВЕРА АРБОЛЬ

РОССИЯ-США

ТЕПЕРЬ

Вот живёшь и не тужишь на стыке вех –
Золотое сечение века,
Кто-то скажет, что ты удачливей всех,
Что тебе ничего не помеха.

Только звёзды на небе сложились так,
Что теперь по-другому всё видно,
Окаянное время смертей и драк,
Как же гадко, по-лузерски стыдно.

Ведь теперь и рассвет – не совсем рассвет,
И закат – чаще вестник убийства,
У цветов и трав даже запаха нет,
Ветер только разносит бесчинства.

Потускнел и сник лучезарный Ван Гог –
Как же можно свершиться такому?
Но теперь костры и удушливый смог
Въелись в кожу нам – всё по-другому.

По-другому теперь поют соловьи:
Не о лете и страсти – о душах
Тех, отравленных пагубой этой войны,
Есть ли что-либо этого хуже?

И внутри пенопласт по стеклу скребёт,
Переходит звук в непрерывный стон,
Он со мной каждый миг – этот адский гнёт,
На пожизненное мне оглашён.

ИРЕН КА

РОССИЯ

ГАЛЧАТА

«ЭХ, КОГДА Б Я САМ БЫЛ ГАЛКОЙ-
ЧЕРЕЗ ФОРТОЧКУ Б МАХНУЛ
И ВЕСЕЛОЮ НЫРЯЛОЙ
В СИНЕМ НЕБЕ ПОТОНУЛ»
САША ЧЕРНЫЙ, 1920

Летели галчата со всей страны,
А мы везли их до Астаны.
Другие галчата на сборы шли
Им крылья были подрезаны.

И мамки молча крестили их
И был кому-то готов жених
То ль девке тихой иль разбитной,
То ль смерти в саване с косой.

Летели галчата... Куда? Зачем?
Нельзя им было сдаваться в плен,
Нельзя им было глаз открывать,
Они должны были убивать.

БЕЛЫЙ ГРЕХ

ЯКОВ НАЕРМАН
РОССИЯ-США

Галина жила в Сан-Диего уже почти два месяца, но всё не могла привыкнуть к разнообразию рас, национальностей и языков на улицах, к улыбкам и приветствиям незнакомых прохожих и к тому, что любые покупки можно так легко сдавать или менять в магазинах. Семилетняя дочка Оксана внешне ничему не удивлялась и ожидаемых улучшений в её состоянии пока не наблюдалось. То-же заикание на людях, замкнутость, нежелание ни с кем говорить. В результате она по-прежнему не понимала по-английски, хотя почти все её ровесники, приехавшие даже позже, уже свободно болтали с американцами.

Началось это наваждение, когда снаряд разорвался неподалёку от детской площадки, где Оксаной гуляла с бабушкой. Свекровь закрыла собой девочку и тем спасла её от осколка. Сама она скончалась через три дня. Оксану вытащили из-под окровавленной бабушки почти сразу, но этих несколько минут было достаточно, чтобы глубоко травмировать девочку: несколько дней она не произносила ни одного слова, а когда заговорила, то начала так сильно заикаться, что понять, что она говорит стало очень трудно.

Оксана стеснялась своего заикания и от этого на людях отказывалась говорить вовсе. Знакомый врач-психотерапевт посоветовал увезти девочку подальше от войны и от воспоминаний о трагедии, обещая, что «через несколько месяцев ей должно стать лучше». Выбрали Калифорнию, где жили дальние родственники.

Муж довёз их до Ужгорода. Олег и Галя понимали, что, быть может, прощаются навсегда, но все слёзы выплакали накануне. При Оксане он крепился, шутил и говорил, что скоро за ними приедет и они все вместе пойдут в Дисниленд.

- Но папа, я не хочу от тебя уезжать! Я уже большая и могу помогать на войне!

Олег стал серьёзным, обнял их обеих и сказал, обращаясь к Оксане:

- Ты помнишь, бабушка рассказывала, как после той большой войны никто не говорил по немецки, не покупал немецкие товары? Сейчас наша очередь. Мы не будем говорить на языке тех, кто впустил ад в нашу землю и убил бабушку.

- Что, насовсем нельзя по-русски??

- Нет, только пока идёт война. И это будет твоя помощь. Хорошо?

- Добре, тату!

Из Европы, Мексики и сейчас из Сан-Диего они регулярно общались с Олегом. Но последний раз это было две недели назад; он сказал, что звонить несколько недель не сможет. В имэйлах постоянно просил присылать фотографии. Здесь Гале приходилось говорить по-русски с волонтерами, которые о них заботились. Но с девочкой она говорила только на украинском. Думала-же Галя по-прежнему, в основном, по-русски и ничего не могла с этим поделать.

Сегодня Оксана была оживлённей, чем обычно и по дороге в садик вдруг разговорилась:

- Мама, в садике я познакомилась с мальчиком Кириллом. Он помогает мне понимать по-английски, а когда меня стали дразнить, он пошёл и сказал воспитательнице. Больше меня никто не дразнит.

- А на каком языке вы говорите?

- На русском конечно. Украинского он не знает, а английского – пока я.

Галина остановилась и нагнулась к дочке.

- Ты помнишь, что мы папе обещали? Что по-русски мы говорить ни с кем не будем. Это была его единственная просьба!

Девочка часто заморгала своими огромными ресницами и, сильно заикаясь, сказала:

- Вибач, матусю. Я забула.

Галя уже опаздывала на работу. Она довела дочку до калитки, поцеловала и побежала к автобусу. Вечером, подойдя к садику, она увидела Оксану на качелях. Её раскачивал белокурый мальчуган. Они о чём-то оживлённо говорили по-русски. Галя остановилась, нахмурилась, сжала губы и решительно направилась к детям. Но вдруг остановилась. Она услышала то, что не слышала уже несколько месяцев, как звук из прежней жизни: громкий смех Оксаны. Подошла поближе. Оксана смеялась и кричала :

- Выше! Выше!

Потом увидела маму, запнулась и замолчала. Спрыгнула с качелей, опустила голову. Галина медленно подошла к детям. Протянула руку мальчику:

Ты Кирилл? Здравствуй, я мама Оксаны. Спасибо тебе, что ты опекаешь мою дочь и помогаешь ей освоиться...

It is my pleasure, - ответил он по-английски и важно пожал ей руку.

- И спасибо тебе (он, как и многие русскоговорящие американцы, не знал «Вы») за ватрушки. Оксана со мной поделилась. Они очень вкусные! Мои родители, когда я рассказал об Оксане велели взять её телефон. Они хотят позвать вас в гости. У нас есть water pool и большая dancing game. Оксана сказала, что любит танцевать.

Да, конечно, спасибо! - ответила Галя.

- С удовольствием придём.

А Оксана обняла её колени и сказала по-украински:

- Дякую мамусю! Я дуже тебе люблю. А татові я поясню, і він зрозуміє. Я обіцяю! (1)

(1)

- Благодарю мамочка! Я очень тебя люблю. А папе я объясню, и он поймет. Я обещаю!

Пройдут года, десятилетия, забудут люди гром орудий,
И те, кто нам придёт на смену всё обнародуют, осудят,
Но новый встанет Чичибабин и прокричит в бессильной жути:
Как тут нам быть, когда внутри нас не умер Путин?

(Написалось под влиянием очередного обезнадеживающего разговора о войне в Украине и о том, что будет после неё)

ЯКОВ НАЕРМАН
РОССИЯ-США

ДОЛГАЯ ПОСАДКА

Самолет медленно заходил на посадку. В иллюминаторе из-за редких облаков проступали окраины Москвы. Он сосредоточенно всматривался в них, жадно пытаясь уловить каждую деталь, малейшее изменение, которое произошло. Бетонные высотки, мешанина дорог и вездесущие проплешины леса выглядели точно так же, как и в день его отъезда. Это было 15 лет назад. Тогда еще он не мог представить, что за все это время, ни разу он не сможет вернуться домой. Уезжая, он морально готовил себя к тому, что это навсегда. Но тогда он верил в прекрасную Россию будущего, частью которой он сможет стать,

в быстрое падение режима, в возможность в любой момент вернуться. Все оказалось совсем не так. В полете он думал о своей жизни в эти 15 лет. Проекты и стройки, на которых он работал, детство его двоих детей, отношения с женой, война, вырезавшая себе постоянное место внутри его души, — все это крутилось у него в голове бешеной каруселью. Он вышел из аэропорта, сел в такси и поехал в квартиру мамы. Чем ближе он подъезжал к дому, тем более знакомыми были места.

Радость возвращения и близости давно покинутых мест сливалась с острой, животной тоской, которая рождалась от обилия новых, неизвестных ему деталей в старых, знакомых пейзажах. Забрав ключи на охране, он поднялся в квартиру.

Пустота квартиры напомнила о том времени, когда только был закончен ремонт и спать им с мамой приходилось на голых матрасах. Он прошелся по комнатам, сел на кухне, включил чайник и заплакал. Долго и горько, с детской обидой и отчаянием. Каждый день, на протяжении 10 лет, он видел её сидящей за этим столом. Через экран монитора она смотрела как растут её внуки, получала медицинские советы, решала массу бытовых вопросов. Но ни разу за это время они не смогли приехать к ней. Даже когда мама попала в больницу, ему не дали визу, чтобы приехать. Российского гражданства, на тот момент, он уже давно лишился.

Даже сейчас, когда прошло почти 5 лет с падения режима, визу на въезд смог получить только он один. Так и не заварив чай, он вышел из дома. До кладбища он решил доехать на автобусе. Автобус был потертый, грязный, с порезанными сидениями и надписями внутри. Народу было мало - несколько старушек да пара грязных, неприкаянных мужчин. Все это больше напоминало автобусы его детства, а не времен отъезда. До кладбища с ним доехала только одна старушка. Он купил 16 красных гвоздик у одиноко скучающей продавщицы и двинулся к могиле родителей. Идти было полчаса. Этот путь он проделывал каждый год вместе с мамой, когда на Пасху они навещали могилу отца. Как старым знакомым, он немного улыбался именам на надгробных камнях, мимо которых он ходил в детстве.

На входе огромная площадь, на которой раньше стоял зал для поминок, была утыкана клумбами одинаковых могил, которые шли ряд за рядом и вдалеке сливались с могилами моряков с подлодки Курск. Он остановился и долго смотрел на ровные ряды и флаги, развевающиеся над ними. Наполнив по дороге лейку, он взобрал на последний пригорок, откуда уже можно было увидеть могилу. Его взгляд заметался, но не смог с первого раза ухватить нужное место. Он продолжал идти, вглядываясь в ряды могил впереди.

И тут краем глаза он заметил знакомое лицо, голова судорожно дернулась и взгляд устоялся в лицо его матери, смотрящей на него с черного мрамора. Лейка выпала у него из рук.

Впервые за 35 лет он видел своих родителей вместе. Он стоял неподвижно, пристально всматриваясь в лицо матери. Странное чувство охватило его, как будто две ладони легли на его лопатки, а две другие начали медленно, круговыми движениями, массировать живот. С глухим свистом он втянул в себя воздух и выдохнул с такой силой, что казалось трава на ближайших могилах зашевелилась под этим порывом. Солнце припекало, в высокой траве между могилами деловито жужжали шмели, легкий ветерок шевелил кроны высоких сосен и трепал густую листву берез.

Впервые за долгие годы он чувствовал себя счастливым.

БОРИС ЛАЗАРЕВ
РОССИЯ

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН
РОССИЯ

Дорогие, любимые детушки
Я никак не смогу объяснить
Почему охуевшие дедушки
Посылают вас жизни губить
И доселе в меня не вмещается
Разрывая, как взрывом в куски
Как же быстро в врагов превращаются
С кем вчера мы так были близки
Потерял я свой голос и право вас
поучать, потому что молчу
Не припомню, чтоб так в жизни трусил, блять
Жить, наверное, просто хочу

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН
РОССИЯ

Кто я, что я?
С кем я рядом?
В чреве новом иль в раю?
Или схваченный нарядом
У краю, у рва стою?

Это же все понарошку
Я сейчас уже проснусь
Кто угодно, но не Тошка
Пусть в меня стреляет, пусть

Все.. пускай других научат
Чтоб никто не позабыл
Украина, город Буча
Это я глаза открыл

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

ПИСЬМО СЕБЕ ИЗ 2021 В 2022

На любимой раскладушке
Начинаю видеть сны
Бабушка мне шепчет в ушко:
Лишь бы не было войны

Сразу после выпускного
Слышал я из тишины
Мама звездам: что такого?..
Только б не было войны

За спиною не широкой
(В основном один живот)
Мне вообще не одиноко
Пять девчонок, сын и кот!

С каждым часом планов больше
Я возьмусь за них с весны
Может быть, чуть-чуть попозже
Ведь не будет же войны!...

Я ВЕЗДЕ ОПОЗДАЛА И НИГДЕ НЕ УСПЕЛА

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

Я везде опоздала и нигде не успела.
Вот бы голосом,
Криком жаворонка
Разметать этот глухой к крику город;
Из под земли достать спящих.
Мажу глазами прохожих,
Смех этих лишних людей
Больно ранит.
Склизко-больно,
В груди осьминог,
Сердцу не совладать с тоской.
Ряды моих милых людей — редуют,
Седеют волосы Матери, осыпаются прядями.
Несчастен человек, кривившийся от фразы
«Где родился, там пригодился».

«Пригодившихся» жалче всего.
Милые мои мальчики, вот бы вас
Как котят,
Собрать в таз и отнести в безопасное место.
Мне больно и тесно, в легких — сладкая вата,
Просится рифма «солдата», но ее не будет.
Скоро никого не будет
Стеклянные люди под тяжестью гнёта
Рассыпятся в пыль...
Пока остаётся
Рыдать от беспомощности
Нервно курить
Сидеть на кухне кружком
Ненавидеть себя
И жить.

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

ОДА БЕССИЛЬНОЙ ЯРОСТИ

Я хочу иметь врага, чтобы иметь
право на удар.
Я хочу не бояться собрать в себе всю
боль в точку в кулаке.
Я хочу иметь право на крик.
На истощный искренний крик, который
даже в детстве боялась озвучить.
Будто я выплакала весь доступный
мне лимит на коликах, в младенчестве.
Я хочу уметь перематывать время,
чтобы делать безумные и злые вещи.
Ударить прохожего, плюнуть
в брюзжащего старика, наорать
на продавщицу, когда она
предложит пакет.
Хоть раз подумать о себе больше,
чем об окружающих.
Но я содрогаюсь от этих мыслей
и думаю, думаю, думаю, а у них ведь
своя жизнь, семья, отношения, дети,
родители, трагедии, радости, как я
смею, как мне стыдно, я чудовище,
мама была права...

Хорошо иметь врага, чтобы иметь
право на удар.
Поэтому каждую секунду своей
жизни я избиваю себя.
Я уничтожу себя.

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН
РОССИЯ

Вижу контровые листья
Что колышутся слегка
И плывут, плывут по небу
Контровые облака
На нелепом этом свете
Мы с тобой за все в ответе
А в четыре сорок пять
Стало небо цвет менять
Красного в небесной толще
Становилось больше, больше
Как же грустно, как же горько
Видно крови стало столько

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН
РОССИЯ

В войне никогда
не бывает win-win
Матери выслали
трек номер – vin

Это удобно.
Теперь будет знать
Где и когда
200 груз получать.

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

БОЛЬНО ЖИТЬ

Я проваливаюсь.

Дом
Вверх
Дном
Обрастаю мхом.

Простыня —
Жгутом.

Человек
Внутри —
Бесхребетный бомж.

Потоп.
Тону.
Потом
Сделаю.

Врастаю
В плитку
Плесенью.

Внутри
Зловонное
Месиво.

Больно
Жить.

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

ХОРОВОД УЖАСА

Полюбовное
Отупение
Не спасает от страха и боли,
Если б мне стрелу
Прямо в темечко
Захлебнулась бы человеческим горем.
Я любила его
Да по-честному
Но отчества дым всё рассеял,
Сеют семечки
Да не рожь растёт —
В степи гниль смердит
Человеческая.
Не воспеть войны,
Не убить войны,
Не испить ручья,
Да с живой водой;
Утопить мечты,
Утолить психоз,
Да по кругу всё,
По спирали вниз.
Исцелить нельзя,
И забыть нельзя,
По вине чужой
Пропадаем мы;
Всё сожрет земля,
Зелены холмы,
Навсегда с судьбой,
Поквитаемся.

ПРО ЧЕТНЫЕ ЦИФРЫ, ГРУСТНУЮ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ, ПЛОХОЙ СПЕКТАКЛЬ И ХОРОШЕЕ ПИВО

В странное время мы живём. Хотя у меня складывается ощущение, что любое время в России — странное.

За 8 лет до моего рождения, мама ночевала у Белого дома и строила баррикады из стульев и веток. Тогда ещё был жив её отец и оба они пришли втайне заботились о спокойствии друг друга.

Моему деду было тогда столько же, сколько моему папе сейчас. Кстати, папа там тоже был. Но в отличие от мамы, скандировавшей в первых рядах, папа пробыл с протестующими недолго. Он тогда только начинал фотографировать, и, испугавшись, кинулся в реку и переплыл ее, держа в одной руке высоко поднятый фотоаппарат.

Родители познакомились только спустя 4 года. Дед, так и не дождавшись внуков, умер спустя ещё 2 года. Потом был памятный водный поход, где незапланированно в мамином животе поселилась я. И вот, я родилась! Что иронично, 22-го апреля. Мама строила баррикады и стояла перед танками веря, что это ради поколения их детей. «Если мы победим, наши дети будут жить в прекрасной России будущего» — примерно так она думала.

И вот, наступает февраль 22-го года и уже я объясняю маме, что хорошо, что все эти ужасы выпали на мою долю, а не на долю моих будущих детей. Уж они то будут жить в свободной стране. Мне жаль ее поколение взрослых подростков, которых обвели вокруг пальца. Вообще, я часто смотрю на своих родителей с неким снисхождением, это примиряет меня с их взбалмошными характерами. Вчера я была на очень плохом спектакле, где воспевалась любовь детей к родителям. Вот эти приторно-розовые слова про нежную бархатность и теплоту маминых рук.

Я вспоминала мамины подзатыльники и хихикала. Зато недалеко от меня сидел старичок, который с особым рвением охранял место рядом с собой. Он заботливо положил руку на сидение и взволнованно оборачивался на каждый шорох со стороны двери. Когда прошло минут десять от спектакля, в зал проскользнула женщина лет тридцати.

Старичок поднялся и замахал рукой, как ластой. Когда женщина, неловко минуя чужие ступни и коленки, пробралась на своё место, старичок серьезно и с удовольствием стал пересказывать ей на ухо, что та пропустила.

«Вот это — любовь, она не измеряется громкостью слов! Кстати, хорошее пиво!» — подытоживаю я свой рассказ.

— Ага, в «Переке» со скидкой урвал.

ФАНТ ОМ
РОССИЯ

СОФИЯ ЛАЙТНЕР

РОССИЯ-ИСПАНИЯ

МЁРТВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, сыночек, засыпай, баю-бай...
 И смотри, не замерзай, баю-бай...
 Сказку расскажу тебе долгую.
 Как снесла курочка яичко.
 Золотое.
 И не стало больше никому покоя.
 Поросята завизжали,
 Да хвосты пообрывали,
 Плачет дед, плачет баба.
 Страшно им. Отчего- не знают сами.
 Бьют яичко что есть мочи.
 Курочка в углу клокочет.
 мышка по столу бежит.
 - «Рано бьете»- говорит.
 Дьяк все книги изорвал.
 Колокол с цепи сорвал.
 Ты, сыночек, засыпай, баю-бай...
 И по мне ты не скучай, баю-бай
 Сказку расскажу тебе долгую.
 Как снесла курочка яичко.
 Золотое.

И не стало больше никому покоя.
 Бабка избу подожгла
 Внученька с ума сошла
 Страшно ей. Почему - сама не знает.
 Бьет яичко, что есть мочи
 Курочка в углу клокочет
 Мышка по столу бежит
 - «Рано бьете» – говорит.

Тетка тесто раскидала,
 Да просвирки потеряла...
 Спи, Сыночек, засыпай, баю-бай...
 Да меня не забывай, баю-бай
 Сказку расскажу тебе долгую
 Как снесла курочка яичко.
 Золотое.
 И не стало больше никому покоя.

Мир со тьмой перевернулся,
 Мертвым духом затянулся.
 Плачем мы. Плачем мы.
 Страшно нам. Да за что - не знаем сами.
 Бьют яичко, что есть мочи,
 Сердце в нас быстрее клокочет.
 Мышка по столу бежит.-
 - « Все, разбилось»- говорит.-
 - «Нет яичка золотого.
 Не снесет нам ряба снова»,
 Курочка в избе сгорела.
 Не успела. Не успела.
 Спи, сыночек, крепким сном.
 Бом-бом.
 Нет нужды тужить о том
 Бом-бом.
 Елью теплой накрывайся
 И сюда не возвращайся.

В землю врезалось яйцо-
 Здесь не будет ничего.

СОН

- Спи,спи, - тихо прошептала она, поправляя одеяло, - еще очень рано.
- Кто ты?- сонно изумился мальчик. Ему было лет 5, и он выговаривал ровно половину букв алфавита, другую половину он старательно замещал слюной. Мы не знакомы, но скоро ты обо мне узнаешь, - прошептала она. На ней был серый плащ, наглухо застёгнутый на все пуговицы, поднятый воротник. Густые светлые волосы стекали на плечи большой волной.
- А где Мама? А зачем ты пришла? - мальчик начал заваливать ее вопросами, постепенно просыпаясь и присаживаясь на кровати.
- Ты такой маленький и уже такой смывленный, - нежно проговорила она, глядя его по кучерявой голове, - мама твоя спит и не знает, что я здесь. Видишь и слышишь меня только ты.
- А как тебя зовут? - спросил мальчик. Он на удивление не боялся этой чужой женщины, сидящей у него на кровати.
- Во мне очень много имен, но люди упрощают все слова и зовут меня «война», - сказала женщина.
- Но война это очень страшно, - прошептал мальчик, - а ты красивая и не похожа на войну.
- А как, ты считаешь, должна выглядеть война? - рассмеялась женщина.
- Ну она похожа на зверя с большими зубами и огромными когтями, - деловито сказал мальчик, он уже полностью проснулся и сидел на своей подушке верхом.
- Возможно, кто-то меня видит именно так, - задумчиво сказала женщина, - а ты меня видишь красивой, потому что в твоём сердце нет ничего дурного. А я бы хотела чувствовать себя красивой перед тем, как выйду из твоего дома.
- А куда ты пойдешь потом? К другому ребёнку?
- Нет. Я приду к людям, в которых больше нет любви, - сказала Война, - я приду к ним в голову и в сердце. Они уже разрушили себя до моего прихода, а теперь они станут разрушать все вокруг до основания.
- Но зачем все рушить ? Люди старались, строили - а из-за тебя все разрушится, - заплакал мальчик.
- К сожалению, в пустоте не может возникнуть ничего, кроме другой пустоты. И пока люди не найдут в себе любовь и милосердие, они будут разрушать, - серьезно сказала женщина, - И каждый будет видеть во мне то, что уже есть в его сердце. Ты видишь меня красивой женщиной, потому что внутри тебя чистота и любовь. Ты не ожидаешь от меня ничего плохого и смотришь на меня с интересом. Ты искренне не понимаешь, зачем я людям. А между тем, они часто зовут меня на протяжении многих тысяч лет. И зов их усиливается с каждым днём. Ты думаешь, что я им не нужна, но зачем тогда они зовут меня?
- Не знаю, - ответил растерянно мальчик.

- Скажи мне, что ты делаешь, когда узел на веревке крепко-крепко завязан? И ни ты, ни Мама не могут его развязать?
- Ох!- тяжело вздохнул малыш,- обычно Мама берет ножницы и разрезает веревку.
- Вот и я, как эти ножницы, - с улыбкой сказала женщина.
- А что ты будешь делать, когда придёшь к другим? - спросил мальчик, - Ты их будешь убивать?
- Для каждого пробуждение будет разным, - с горестью прошептала она, - через боль и страдания люди приходят к себе. А эта самая главная встреча в жизни. Но не все на нее способны.
- Мне грустно, что ты убьешь людей.
- Малыш, они убьют себя сами. Но запомни: у каждого всегда есть выбор. Каждый может сказать «стоп» - и тогда я уже буду бессильна. Тогда это будет значить, что они выбирают «любовь». А с ней я не могу тягаться.
- Тогда я выбираю любовь, - тихо-тихо сказал мальчик. Слезы катились крупными каплями к нему на пижаму, оставляя большие темные круги на рисунке ткани с динозаврами.
- Ты правильно делаешь, - сказала женщина, - не бойся, к тебе я больше не приду. У тебя все будет хорошо. А теперь спи. Еще слишком рано, - женщина уложила мальчика в кровать, накрыла одеялом и неслышно вышла из комнаты. Мальчик мгновенно и глубоко уснул.

Было 5 утра.

СОФИЯ ЛАЙТНЕР
РОССИЯ-ИСПАНИЯ

ВЕРА АРБОЛЬ

РОССИЯ-США

1.

Все – война, все – на ней, все – о ней.
 На земле, и на небе, и между.
 Все ж чума оказалась честней:
 Нам она оставляла надежду.

Нет оттенков. Палитра проста.
 Многозначное, сложное – выбыло.
 Сине-желтое – и чернота,
 И никто не спасется от выбора.

Если кто-то и будет спасен,
 То покоя уже не обрящете:
 Длится общий мучительный сон,
 Да беснуются псы в зомбоящике.

2.

Русский люд – дикари и рабы.
 Как же мы безобразно трусливы!
 Чтобы скрыться от этой судьбы,
 Не осталось ни воли, ни силы.

Видно, это у нас в ДНК.
 Мы навеки помечены зетом.
 И судить о нас будут века
 По сегодняшним адским газетам.

Русский мир не спешит умирать,
 Лучше мы на чужбине подохнем.
 Главный символ его – бумеранг,
 Прилетит он не к нам, а к потомкам.

ЕКАТЕРИНА НОЖОВА

РОССИЯ-ШВЕЙЦАРИЯ

ХОРОВОД УЖАСА

В жилах стыннут нескрытые темы,
 Рты закрыв горемыкам страны.
 Вырываются прыткие меммы:
 Что выгадывать в жизни взаимы?

Стыннут выемы, рывые в глыбе,
 Белым вымазаны стволы.
 И затоны, покрытые зыбью,
 Выдыхают седые пары.

Стыннут губы и смяты перины.
 Сына в самые стыдные сны
 Мы в корыте несем на смотрины.
 Скрыты цифры: мы были должны.

Выбывают во рвы половины,
 И от Крыма до Колымы
 Надрываются вить подхалимы,
 Шито-крыто: не надо тюрьмы.

Рвы и взрывы давно позабыты,
 За мытарства отсыпят хвалы.
 Мы здоровы и с мылом отмыты:
 Тверды скрепы, накрыты столы.

Так «изыди» не выжать: слабы мы.
 Стылой воле не встать на дыбы.
 Выйдем мы из войны побратимы,
 Невредимы и неммы мы, ы.

ЕКАТЕРИНА НОЖОВА

РОССИЯ-ШВЕЙЦАРИЯ

И когда то время, которого был вагон,
Под откос отправится, поезд сместится с рельс,
Мы поймем эту сказку про колокол и про звон,
И в зачет пойдет только «я», и «сейчас и здесь».

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН

РОССИЯ

Не смириться не забыть
Только в глотку водку лить
Что сказать могу я им?
«Не забудем, не простим...»

Москаляку на гиляку
Как проклятую собаку
Оправдание, хоть одно?
Смерть в Изюме, не в кино

А молитва Отче наш
В пыточном подвале?
Души Богу что о нас скажут?
Твари, твари...

Твари те кто убивал
Кто приказы отдавал
Тварь и я, что здесь сижу
Выхода не нахожу...

ИРЕН КА

РОССИЯ

Промыты мозги, оторваны ноги,
Зато «Мать героя» мать.
Ответила людям - ответь и Богу
Зачем он пошел воевать?

Куда деваться было нам,
куда ж деваться?
Ведь обложили нас со всех сторон
И Родина приказывала драться,
К самоубийству отложив патрон.

Твой выбор, мать-твое же наказание.
Никто не заставлял
в чужих детей стрелять.
Но, сколько существует мирозданье,
Один и тот же выбор, бл...ь....

Прости мне пафос мой былинный,
Но в центре действия - страна.
Картина. Действие. Картина...

Картина действия - война.
Мой смелый мальчик, не дрожи на
Заслуги, славу, ордена.
Причина, следствие. Причина?

Причина, следствие, война.
Она услышит: не кричи, на..
А дернешься - тебе хана.
Мужчина. Женщина, мужчина.

Мужчина, женщина, война.
А эта жалкая скотина
Нам запрещает имена!
Война Россия - Украина.
Война, война, война, война.

ЕКАТЕРИНА НОЖОВА
РОССИЯ-ШВЕЙЦАРИЯ

На другом берегу
Пели весёлые песни
И плохих не ждали известий
На другом берегу.

На другом берегу
О нас ничего не знали
Чужаков никогда не звали
На другом берегу.

На другом берегу
Никогда не ходили строем
Воинствующие герои
На другом берегу.

На моём берегу
Решили, что так жить не надо,
Что пора навести порядок
На другом берегу.

На другом берегу
Внезапно познав цвет крови
Вдруг задохнулись от боли
На другом берегу.

На другом берегу
Боли своей не забудут
Но петь песни весёлые будут
Всегда на другом берегу.

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ
РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

ЕКАТЕРИНА НОЖОВА

РОССИЯ-ШВЕЙЦАРИЯ

Август встал истуканом,
 Руку держит на пульсе.
 Отпусти - и фонтаном
 Всех зальет: вот, любуйся.

Август - та еще падла,
 Обещал, что прикроет.
 Он был опытный, наглый,
 Из отряда героев.

Обмакнула в багрянец,
 Придушила тревогой.
 Осень, я - новобранец,
 И меня ты не трогай.

Ты мне не угрожай.
 Хотя как посмотреть:
 Думали - урожай,
 Оказалось - смерть.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Сладкий стол, сладкий сон,
 сладкий сумрак бьет поклон.
 Мед победы сыто цедит
 разум, сердце обезвредив.
 Выпил май прохладу луж
 на помин заблудших душ.
 - Это пир?
 - Это - Пирр.
 Чей-то жёлто-синий мир
 нас зовёт.. И орёт
 Кот, который Бегемот.
 Ты - Пегас. Это - раз.
 Встань сперва. Это - два.
 Я тебе открою тайну:
 перья мыслей сбились стайно.
 Всех пегасов, шлюх и муз
 отхлестал усатый блюз.
 Ты не звал? Так не жди.
 С крыш стекает Гауди.
 Привезу тебе ромашек
 на могилу, коль прикажешь,
 иль мурашек табуны
 с нашей солнечной страны.
 Нет войне! Это мне?
 Пусть повязнет мир в говне?
 Ну убей меня хотя бы..
 Якорь трюмы искорябал!
 Хочешь, я уйду живьём
 за российским кораблем?-
 Мир - абстракт.
 - Это - факт.
 Хочешь трахнуть? ну и фак!
 - Нам - не поздно.

НАТАША ЗАНД
УКРАИНА-ГЕРМАНИЯ

- Ты серьезно?
 Наше небо - в дырах звездных!
 Нет войне. Пусть в говне
 будешь жив и нужен мне.

- Это - стон?
 - Это - сон!
 Километры эрозон
 сохнут, венам страх скормив.
 - Это сказка!
 - Это - миф.
 Мыслей черных воронье -
 не твоё и не моё.
 Эх хвост, чешуя..
 Здравствуй, это - снова я.
 Опадает пыль с мостов
 из русалочьих хвостов.
 Не поймал ты ничего.
 И мне пофиг кто-кого.
 Кто при жизни выжег рать
 не устанет воевать.
 Пыль в углу. Нить - в иглу
 души, выпорхнув во мглу,
 отдохнут от наших тел.
 Выжил каждый, кто хотел
 в мир костей. Без гвоздей
 нарисуй мне на лопатках
 крылья гадких лебедей..

ПОСМЕРТИЕ

«НУ ВОТ И МЫ ЗАСТЫЛИ СНОВА
КАК ИЗВАНИЯ ВОЙНЫ
В ЛИСТЕ ЗЕЛЕННЫХ КОРИДОРОВ,
В ЛИЦЕ БЕЗМОЛВНОЙ ТИШИНЫ».
А. ЮКОВ

– Люблю весну, – вздохнул он. – Живым себя чувствуешь.

Мы ехали уже больше часа. По пустой дороге, не спеша, проехали мимо Славянска, два раза пересекли Донец, миновали Закотное и от Северска повернули на Кременную. За окном улицы успели смениться лесом, лес сменился степью, а на смену степи пришли поля и посадки. Ночной дождь расчистил дневное небо, и теперь солнце то и дело било в лобовое стекло. Стояла первая неделя мая, воздух наконец-то начал прогреваться, ветер перестал быть резким и промозглым, и, если не знать, что в десятках километров от нас, по дороге от Заречного до Кременной, протянулась линия фронта, периодически раздававшийся грохот от взрывов и орудий можно было буквально принять за гром среди ясного неба.

Всю дорогу он, не мигая, смотрел в окно. Крепкий и коренастый, с большой головой, он был невзрачный на вид, и казалось, что все в его внешности было устроено так, чтобы лишь отталкивать окружающих: бледное, рябое лицо, скученные бесцветные глаза, кривой нос, плохие зубы, а на голове – начавшие уже выпадать ржавые, местами выцветшие волосы. Время от времени он громко вздыхал и что-то говорил себе под нос, при этом нервно расчесывая до красноты левую щеку. Он был мне неприятен и не только из-за внешности. Но даже к нему я не мог не испытывать хотя бы толики сочувствия.

– Сколько обычно за день собираете? – неожиданно спросил он. Я не сразу сообразил, что ответить.

– По-разному. От локации зависит. Но за все время уже много собрали.

– Сколько?

– Точно не знаю.

– Ну ты уже сколько собрал? – не унимался он.

– Говорю, не знаю. Не считал.

– Ну больше ста?

– Больше. Наверное, сотни три.

– Три сотни? Пиздец. Кукуха не едет?

– Ты мне ответь. Он ухмыльнулся и снова уставился в окно. Сложно было сказать, о чем он мог думать.

– Почему наших собираете? – спросил он через какое-то время.

– А им лежать гнить по полям? Тоже ж люди, которых кто-то ждет. Или ищет. Родные заслуживают знать, что с их сыновьями, мужьями, братьями, – ответил я и не без обиды добавил:

– Да и на самом деле только ваших и собираем.

– Ваших столькодохнет, а вы только нас собираете, ну да, – процедил он, на что я вспыхнул:

– Блядь, кого своих находим, тех забираем. Ребята после боя обычно сами своих уносят. Это вы ни своих не уносите, ни наших забрать не даёте. Он хотел что-то ответить или ещё спросить, но не стал и замолк. Мне тоже болтать не хотелось, да и я понимал, что ничего хорошего из разговора не выйдет, но дорога начала усыплять, и я спросил:

– Как вообще попал сюда?

Он усмехнулся:

– Допрос начался?

Я подумал, что прозвучало и впрямь по-дурацки, но огрызнулся:

– Что угодно расскажи, мне поебать. Глаза слипаются.

Он заговорил не сразу. Заметно погрузнев, он несколько минут будто вспоминал и подбирал слова. Наконец, откашлявшись, он начал:

– Я тут с первых дней этого пиздеца. Примерно год назад пошел по контракту. Ну и нам ещё в ноябре стали говорить, что в январе поедem в командировку, либо в Воронеж, либо в Белгород. Никто ничего сначала не объяснял, но потом сказали, что якобы будут учения, – он прервался и с силой почесал лицо.

– Короче я в душе не ебал, что по итогу это окажутся никакие не учения! Приехали, встали большим лагерем, три недели нихуя не делали, оружия на руки не получали, а 23-го числа вдруг собрались и двинулись в другой лагерь, поближе к вам. Командир сказал позвонить домой, а то потом связи уже не будет. Ну и в итоге телефоны у нас забрали.

Он опять остановился и пару минут о чем-то напряженно думал, затем продолжил:

– В общем 24-го ночью нас посадили в БМП и перевезли к вам. То, что мы у вас, мы, блядь, только утром поняли, по вывескам вдоль дороги. А то, что мы на войну приехали, до нас дошло, когда мы встали на дозаправку и по нам прилетело. Стоим, переглядываемся, и тут как ебнет! Никого не задело, но мы, понятно, сразу за руль и по съемам. Вот так вы нас и встретили.

– Ну, блядь, скажи спасибо, это вам повезло ещё, – вклинился я.

– А откуда вы въехали?

– Да говорю, за день от Воронежа двинули. Нам никто не говорил нихуя, но потом уже по картам разобрались. Короче въехали севернее Луганска, через Чертковое. Ну и дальше по трассе до Беловодска и потом сразу до Старобельска.

– Когда в Старобельск зашли?

– Числа 2-го или 3-го, не скажу точно.

– До Старобельска неделю ехали? – удивился я.

– Да по нашему направлению не спешили особо. Потом ещё народ к границе ломанулся.

Короче в Беловодск мы в первый же день заехали, там поторчали, местных кого пошугали, с кем обнялись и дальше только через несколько дней двинулись. Точно не помню, но вроде в первых числах в Старобельск заехали. По пути еще остановки делали. В Старобельске ждали, пока с севера и с Луганска усиление подойдет. С Луганска в итоге так и не пришли. Нам сказали, что они от Новоайдара на Северодонецк пойдут. А мы типа с севера к нему двинем.

– Так а как вы реагировали, что на войну приехали? – перебил я.

– Всем нормально было, что ли?

– Не, нихуя, – он отмахнулся, – в моей роте 60 человек было, больше половины – молодняк, лет 25 максимум. Человек восемь только с опытом, кто раньше уже на Донбассе был. Это как раз Богдан, Серега, кто из моих. Вот они рвались в бой, конечно. Типа русский мир, наконец-то поможем, освободим и все такое. Остальные с первого же дня на очко присели, – он снова принялся чесать лицо. – Да что, блядь, говорить, когда в одной роте были минометчики, которые не знали как стрелять нахуй!

– И нахуя они тогда сюда приехали?

– А что им, блядь, было делать? – он посмотрел на меня с искренним удивлением.

– Блядь, не ехать! – взорвался я. – Про неисполнение преступных приказов не слышали?! Увоились к хуям и домой, к женам, к маме, в чем проблема?

– Ебать ты умник, конечно! – он тоже повысил голос. – Я ж тебе говорю, молодняк поголовно! Им, блядь, один раз сказали, что если уедете, то дома десятку получите, и все сразу ебальники позатыкали!

– Блядь, и вы в это поверили?

– Блядь, поверили! – огрызнулся он и отвернулся к окну. Глупо было заводитьсь, и я это понимал, но у меня стало по-черному жечь в груди, и я ничего не мог с этим поделать. Меня так и подмывало подробнее обо всем расспросить, узнать от него как можно больше, поэтому через какое-то время я продолжил:

– Ну вы так просто и ехали, колонной, без воздуха, без разведки?

– Ага, как на параде, блядь, – пробурчал он.

– Много потеряли?

– Много, – он тяжело вздохнул. – Понимаешь, стратегии-то нихуя ни у кого не было по ходу. В моменте ты охуеваешь от происходящего, поверить не можешь, что ты здесь и сейчас вот это все делаешь. Подчиняешься приказу и не особо думаешь, что правильно, что неправильно. Задним умом только доходит, – он сделал паузу. – Командование, наверное, думало, что у нас тут блицкриг, блядь, будет, что мы за пару недель все захватим, Киев возьмем и что вы нам сами сдаваться будете. Но нихуя, не вышло так, – он немного помолчал, а потом подытожил: – Если бы все по уму было, многие бы сейчас живы были.

– По уму было не ехать сюда и войну эту не начинать, – грубо заметил я.

– Да может и так. Пойми, я уже нихуя не знаю, – ответил он примирительно. Он опять замолк, и несколько минут мы ехали в тишине, поэтому пришлось спросить:

– В смысле?

– Куда дальше двинулись, что делали?

– Слушай, а может нахуй? – жалобно спросил он.

– Да раз начали, давай рассказывай, – отрезал я. Он в очередной раз докрасна расчесал себе левую щеку и продолжил:

– Ну я сказал уже, дальше мы на Северодонецк двинули. Числа, может, 6-го ушли из Старобельска. По пути пришел приказ, чтобы дивизия разделилась и часть пошла к Северодонецку напрямую, с севера. Моей роте было приказано двигаться к Рубежному и занять береговую линию к западу от Северодонецка, – он помычал, что-то вспоминая. – Да, кажется, 8-го марта мы как раз зашли в Рубежное. Северодонецк уже начали утюжить.

– Блядь, так говоришь об этом! Вы там камня на камне не оставили, – перебил я, но он никак не прореагировал.

– Нам поступил новый приказ, чтобы часть сил двигалась дальше, через реку, к Новодружеску. План был быстро взять Северодонецк и с двух сторон подойти к Лисичанску.

– Никуда вы, блядь, до сих пор не подошли, – заметил я, хотя понимал, что едва ли Северодонецк, или то, что от него осталось, долго протянет.

– Где-то числа 11-го или 12-го стало известно, что у ваших позиция в Кременной. Рубежное и Новодружеск приказали пока оставить, чтобы не дробить подразделение. Ну и сначала взять Кременную. Был риск, что ваши пойдут на Рубежное от Лисичанска, через Новодружеск, но командиры решили, что вы типа все силы на Северодонецк бросите. А еще разведки нихуя нормальной не было! Короче стали выполнять приказ. Тут он прервался, странно посмотрел на меня и вкрадчиво, будто делая секретом, сказал:

– Блядь, больше всего жалко, что покурить нормально нельзя! Затем, в какой раз расчесав лицо, продолжил:

– В общем прошли мы Краснянку, подошли к Кременной. Ваши нас обстреляли, но по хуйне, никого не зацепило. Там через реку мост, и командиры очканули через него ехать. Ну мы и закрепились на правом берегу, в районе между станцией и дачами. Друг по другу постреливали, но в открытый бой не вступали. Нам сказали, что сперва артиллерия поработает, дальше уже мы пойдём. К этому моменту мы уже объехали Белогоровку, и с левой стороны за окном потянулись холмы. Все отчетливее становились слышны звуки разрывавшихся снарядов, повременно бывших по Рубежному, Северодонецку, Лисичанску, – мы приближались к местам, о которых шел его рассказ. Он тем временем продолжал:

– Через несколько дней из Рубежного повалил народ. Нам передали, что на подходе от Новодружеска внезапно, – он язвительно сделал ударение на слове «внезапно», – заметили ваших! И пришлось нам все равно дробиться, потому что план оставить Рубежное оказался говно! В итоге по Рубежному тоже стала работать артиллерия, а часть группы получила приказ выдвигаться обратно к Краснянке. Моя рота осталась под Кременной, и только где-то в 20-х числах мы дождались артподдержки.

Я уже не реагировал на то, с какой непринужденностью он рассказывал об обстрелах, но внутри у меня все клокотало – воображение непроизвольно рисовало картины разбитых домов и улиц и погребенных под завалами людей. Насмотревшись на сотни трупов, на толпы раненных, военных и гражданских, я все равно никак не мог привыкнуть к происходящему.

Да и можно ли привыкнуть к войне?

– Примерно в это же время, – продолжал он, – ваши неожиданно вышли от Приволья и атаковали со стороны Краснянки. Мы, блядь, конечно же, нихуя не готовы оказались! По итогу у нас два танка, одна БМП и шесть двухсотых. Наши на это стали плотнее по городам хуячить, ваши отступили, ну и где-то до конца марта мы так и стояли на правом берегу.

– Две недели нихуя не делали? – не поверил я.

– Ага, около того, – он прочистил горло, – сперва еще плохо понимали, где конкретно ваши на другом берегу окопались. Из-за этого никак не расквартировывались. Спали под навесами, на броне. Одеж с дач напиздели и в них кутались. Жрать нехуй было, поэтому, понятно, по магазинам пошли.

– Вторая армия мира, – с горькой издевкой сказал я. – А на деле саранча, блядь! От моих слов он завелся:

– Блядь, а что делать? Я говорю, в группе пацаны поголовно! Никого не трогали, пожрать брали, чтобы с голоду не помереть, и все. В сравнении с нами в других ротах полный пиздец творился. Один старшина вообще разошелся, блядь, – с дач намародерил себе телевизоров, машинки стиральные, гриль охувший за 250 тысяч, все себе нахуй греб! Типа не мы заберем, так другие. Все ходил, блядь, говорил, что Путин разрешил, типа есть указ, мародерство разрешено.

– Ага, блядь, он вам по школам и детсадам тоже разрешил хуярить? В Гааге будете это рассказывать, пидорасы. На это он уже ничего не ответил, и Шипиловку мы проехали молча. Правильнее всего было заткнуться, не дербанить ни себя, ни его, но меня распирало – нужно было узнать самое главное. Я наперед знал, что он ответит, и все же спросил:

– Вы мирных стреляли? Он молчал так долго, что все было ясно. Но я терпеливо ждал, пока он скажет хоть что-то.

– Да. Я стрелял, – просипел он. –

Сука, – выпалил я и затормозил. Несколько минут мы сидели, не двигаясь: я – сложив руки на руле и смотря перед собой, он – уставившись в окно. Затем я вышел, обошел машину и, присев на багажник, закурил. Он сразу оказался рядом со мной и затараторил:

– Блядь, ты обещал! Не думай кинуть теперь! Слышишь? – он попытался схватить меня за руку, но у него не получилось. – Ты спросил, я честно ответил! Мне уже нехуй скрывать! И иди мне, блядь, тоже некуда! – я даже не смотрел на него.

– Ты обещал, блядь! Я не за себя прошу, сука!

– Да заткнись, – ответил я, – сейчас докурю, и дальше уже пешком пойдем. Мы у Приволья, а Кременную ваши в итоге взяли, так что на машине дальше опасно. Он недоверчиво посмотрел на меня, но потом покачал головой и уселся рядом. Пока курил, я думал о том, что он мало чем отличается от других бойцов, которых пришлось вот так вытаскивать. Единственная разница – их историй я не знал. А мало ли среди них было тех, кто грабил, насиловал, убивал? Вероятно, нет. Эта мысль постепенно рассосала мой гнев, но для себя я все равно решил, что больше не хочу ничего о нем знать. Я дал ему обещание, выполню его, и только. Потушив сигарету, я обратил внимание, как он все это время на меня смотрел, – я забыл, что он просил при нем не курить.

– Извини, – только и сказал я.

– Ничего, – ответил он и оскалил желтые зубы как бы в улыбке.

– Точно дальше пешком? У тебя ж красный крест.

– Вашим до одного места – красный или не красный. Отойди, достану кое-что, – я открыл багажник и достал шлем и каску.

– Пойдем. Если это на той стороне, то нам прилично топать. Оставив машину после Привольнянской шахты, мы неспешно пошли вдоль дороги по направлению к городу. И справа, и слева от нас вдаль убегали пустые поля, на иссиня-голубом небе по-прежнему слепило уже давно миновавшее зенит бледное солнце, а в спину нам дул, будто подгоняя, ласковый майский ветер. Природа, как и всегда, жила по своим собственным законам, и ей были безразличны творившиеся у нее под боком преступления, война, смерть и неизбывное людское горе. Весна, наконец, вступала в свои права, все оживало, и этому не могли помешать ни автоматные очереди, ни артиллерийские залпы. У первых домов мы резко свернули влево и осторожно, прислушиваясь к любому шороху, пошли по краю рощи, огибающей город. Так, мы обошли еще одну шахту, снова вышли к полям и уже от них направились к Привольнянскому плацдарму. Мы шли уже где-то около получаса, когда он заговорил:

– После 20-го марта, как ваши по нам с Приволья ударили, я под Кременной женщину убил.

– Я не спрашивал, – с напускным безразличием ответил я.

– Да послушай! Она короче ночью по дачам походила, а на утро ваши пришли. Они знали, кто мы, что мы, сколько нас, как размещены, как мы разделились. Она навела их. Мы, как отбились, стали дознаваться, а она взяла и побежала. Ну я в нее и выстрелил. Вот так и убил ее, – он помолчал. – Ребята похвалили, сказали, что правильно с такими. А я потом не спал из-за этого. Я ничего не ответил. Он на время замолк, но потом продолжил:

– Когда еще правый берег зачищали. Сказали сразу, всех, кто позицию не покинет, убьем, – он запнулся.

– Один просил на коленях, плакал, чтобы не убивал его, а я в него выстрелил, – он опять сделал паузу.

– Убивал я. Пришлось. Некоторым со мной тоже. Но не все из нашей роты убивали. Чтобы вот так – не все. Я понимал, что ему горько, но не хотел поддаваться сочувствию.

– Еще случай был. Мы только в Кременную ехали. Ночь была, ничего не видно. И мужик какой-то под гусеницу попал. Только лужа красная и осталась. Но это уже не я был. Тут я остановился и пристально посмотрел на него. На его неказистом лице, сквозь грязь, морщины и рябь, проступали едва заметные боль и сожаление, стыд.

– На войне не бывает такого, что не ты, – сказал я тихо. – Всех, кого убили, вы убили вместе. Кровь каждого погибшего – на совести каждого вашего бойца. И на твоей совести тоже. Он не ответил, и мы пошли дальше. Спустя время я незаметно для себя спросил:

– А родители что? Он вздохнул:

– Отца нет, а мать...

– Промытая?

– У нее молодой Путин рядом с иконами висит. 20 лет на него уже молится. Пенсия – копейка, жить нечем, а ей похер. Это все Госдеп, а царь хороший. Я ей звонил, когда в ту женщину выстрелил. Говорю, спать не могу, а она мне все про НАТО чешет. Пусто мне тогда было. Хотел, чтоб прислушалась. Да какой там, – он махнул рукой. – Она свою пургу несет, про нацистов. Типа давай не жалея никого. Нихуя не слышит. Я сеструхе потом набрал, говорю, не вернись отсюда. Чувствую, что не вернись. Она мне: Тема-Тема, брательник, ты чего там, смотри не умирай раньше времени! Я ее спрашиваю, раньше какого, блядь, времени? А она: ну типа раньше, чем вернешься. Это вряд ли – все, что я ей ответил.

Мы миновали плацдарм, свернули на маленькую улочку, прошли по ней вдоль пустовавших домов и вышли на берег реки с канатным мостом. Перейдя на другую сторону, мы вошли в рощу и какое-то время шли по петляющей тропе, пока не оказались у дугообразного озера. По диагонали от нас, у самой воды, я увидел небольшую поляну со следами техники, а у самого края поляны, возле поваленных деревьев, – разбитую боевую машину с отлетевшей от нее башней.

– Ну вот мы и пришли, – шепотом произнес он. – Здесь все случилось. Через пару минут мы вышли к месту боя и вплотную подошли к БМП. Еще издали я заметил рядом с машиной несколько темневших бугорков, в которых сразу узнал тела. Подойдя ближе, я насчитал шесть тел, разметанных взрывом на расстоянии пяти-семи метров друг от друга.

– Тут мы все лежим, – еле слышно пробурчал он. – Это Дима сгоревший лежит. Там Матвей и Серега, тоже горели. Прикопанный – Богдан, он на броне был. Там Рома, тоже на броне, лучше всех сохранился. Подергивающейся рукой он начал нервно чесать левую щеку.

– Ну а вот он я лежу, прямо под гусеницей. Я взглянул сперва на его останки, а потом на то, чем он теперь был, и понял, что ему было страшно вот так смотреть на себя, – глаза его бегали, колени едва заметно дрожали, а плечи осунулись, отчего он стал казаться еще ниже. Возможно ли представить, что он испытывал? Я попытался, но у меня не получилось.

Не спеша переходя с места на место, осторожно перешагивая через куски покореженного металла, выгоревшую амуницию и разбросанный взрывом мусор, ранее бывший личными вещами бойцов, я начал внимательно осматривать тела. Первым я осмотрел Романа, лежавшего на отдалении, не горевшего, а потому и в самом деле относительно неплохо сохранившегося. Труп уже был сильно тронут разложением, вздулся и в нескольких местах испускал яд. Правая рука была оторвана, ноги перебиты, а лицо посинело и ввалилось, сделав невозможным внешнее опознание. Не прикасаясь к телу, сидя на корточках, я дотошно осмотрел форму – на ней не было никаких нашивок и обозначений.

Далее я попеременно осмотрел тела тех, кого он назвал Димой, Матвеем и Сергеем. Все трое со следами обгара, почерневшие, утонувшие в грязи так, что из земли торчали только их головы и одна-две конечности. Матвей и Сергей распластались близко друг к другу и к машине, а Дмитрия откинуло в сторону Романа. Искать какие-либо нашивки на их телах было бессмысленно – они либо выгорели, либо ушли под землю. Про себя я отметил, что нужно будет обязательно прихватить с собой лопаты.

Богдан, лежавший в противоположной стороне от всех, действительно оказался как будто прикопан. Как и Роман, он не горел, поэтому тоже неплохо сохранился, насколько это в принципе возможно для тела, долгое время пролежавшего на открытом воздухе, в грязи и рядом с водой. Насыпь мешала получше рассмотреть останки, и я не стал ничего трогать.

Наконец, я подошел к его телу. Почерневший, заваленный гусеницей, он лежал на правом боку, который ушел в размытую почву. Вся его левая сторона выгорела, местами проступали опарыши, черепная коробка была раздавлена. Хотя никого из них нельзя было опознать внешне, его тело было хуже остальных – по всей видимости, в момент взрыва он находился ближе всех к эпицентру.

Закончив осмотр, я еще раз окинул взглядом всю картину целиком. Развороченная ось бронемшины, отброшенная в сторону башня, разметанные куски брони и оставленные, забытые тела бойцов.

Все это удивительным образом одновременно гармонировало и контрастировало с раскинувшимся вокруг лесным пейзажем. Где-то щебетали птицы, деревья тихо шелестели листвой, едва уловимо дрожала водная гладь. Свежесть леса и влажный воздух делали смрад разлагавшихся тел почти неслышным. Время в этом месте как будто замедлилось, стало плотным и осязаемым. Это было одно из множеств лиц войны, лиц смерти, и, в отличие от многих других, это лицо было и ужасающим, и прекрасным. Все это время он ждал в стороне, возле воды. Я приблизился и тихо спросил:

– Когда, говоришь, это случилось?

– 6-го апреля. – Уже месяц, значит, – задумался я.

– Как все было? Помнишь?

– Да, помню, – он печально улыбнулся. – Было время подумать обо всем. Он помолчал и начал:

– В ночь на 6-е ваши с левого берега в атаку пошли. Вышибли нас к Краснянке. Темно уже было, хреначили со всех сторон, суматоха, – он прервался. – Я уже потом узнал – четыре танка потеряли и пять БМП, включая нашу. Ну и дальше по дороге еще десять машин бросили. Мы с пацанами сюда в рощу свернули. Думали, либо обождем, либо объедем. Ну а тут озеро. По нам из противотанкового два раза попали, – он опустил голову и тихо, безысходно засмеялся. – Тогда я не понял ничего. Бац – и все, пустота. А как вернулся, походил, посмотрел. От попадания БК сдетонировал, ну и нас взрывом тупо выдавило из машины, – он опять остановился. – Я все ждал.

Думал, заберут. Потом уже сам пошел искать, кто поможет.

Мы помолчали.

Я прокручивал в голове его рассказ и силился представить себя на его месте. Мне хотелось спросить, как так вышло, что он вернулся, что нашел именно меня, но потом подумал, что скорее всего он и сам не знает. В итоге я сказал: – Будет сложно. На транспорте сюда не подъехать – ваши очень близко. Да и ребятам хер объяснишь, на кой черт я сюда поехал. Но мы вас заберем. Сегодня, как обещал.

– Их забирай, меня не надо, – ответил он.

– В смысле?

– В прямом. Я посмотрел на него.

– Я тут думал, – медленно начал он.

– Целый месяц, блядь, рассуждал. Не хочу я больше никуда. Здесь останусь, – он замолчал, но было понятно, что это еще не все. – Смотри, меня ж не было. Целую вечность не существовал, мертв был. А потом появился, случайно. В каком-то конкретном месте, тоже совершенно случайно. И вот это место обозвали домом, Родиной. Ну меня так учили думать. И вот я живу, а потом умираю. И снова нет меня. Еще чуть-чуть и совсем испарюсь. И это как зеркало, понимаешь?

– Какое зеркало? – ничего не понял я.

– Блядь, ну вот меня не было, – стал повторять он, – потом я родился. Где родился – там Родина. А потом пожил и умер. Снова нет меня. И вот где умер – это же тоже как Родина, только наоборот. Понимаешь?

– Пытаюсь, – честно ответил я, – но тело-то тут причем? Какая разница, где ему быть?

– Так вот именно, – ответил он. – ее нет. Нет никакой разницы. Что я здесь у вас в роще лежу, что на кладбище в Астрахани – не имеет значения. В братскую могилу меня бросьте к вашим, нас потом доставать будут, как ты меня отличишь? – он сделал паузу.

– А если все так, то хочу здесь быть. В России родился, в Украине умер, тут мне и Родина теперь, Родина наоборот. Закопай вон там под кустом, и все дела.

– Погоди, а нахера я сюда ехал? – не унимался я.

– Так я ж тебе говорю, за ними, – он кивнул в сторону товарищей. – Димку, Рому, Богдана жены ищут. Про Матвея не знаю, кстати. У Сереги мать одна осталась, отец помер недавно, до войны еще.

– А твои мать, сестра?

– Да я ж тебе про них все рассказал. Ты слушал?

Я посмотрел на него, потом на его останки.

– Мы, если тело находим, на экспертизу его отправляем, процедура такая... Я снова посмотрел в его сторону, но его уже не было, он исчез. Постояв какое-то время, от нечего делать я поплелся обратно к машине. У машины связался с командой, сообщил, что очень близко к фронту обнаружил локацию, дал координаты, закурил и стал ждать.

Я все думал о том, что он сказал. Про Родину наоборот, про его просьбу, про то, что мертвым уже нет разницы, где лежать. Думал, что, наверное, этим он хотел сказать много больше, чем умел. Хотел выразить то, что ощутил на той стороне, когда в сущности становится все равно, кем ты был и что делал.

Я сидел на багажнике, курил и смотрел в бескрайнюю даль поля. За городом громыхнуло, и я увидел, как из травы поднялись мириады поденок. Сияясь взлететь, они сталкивались, падали и снова пытались подняться из травы. Ветер подхватывал их, смешивал, кружил, будто играясь, и разносил далеко-далеко, куда только могло дотянуться зрение.

В душе было пусто, но с самого ее дна что-то поднималось, и я чувствовал, что вот-вот вырвется наружу.

ИЛЬЯ НАМИС

РОССИЯ - КАЗАХСТАН

Этого мифического зверя я создала на тему душевного смятения, ощущения беспомощности и ужаса перед войной. Когда читаешь новости и понимаешь, что ничем не можешь помочь. Когда заедаешь стресс и часами обреченно смотришь в одну точку. Так внутри меня выглядит смесь всех этих сложных чувств.

ФАНТОМ
РОССИЯ

